

НАРРАТИВНАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА И ЕЁ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРАВОСЛАВНОЙ БИБЛЕЙСКОЙ НАУКИ

ЧАСТЬ 1: КРИЗИС ПОВЕСТВОВАНИЯ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ И ТЕОРЕТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ XX В.

Священник Дмитрий Барицкий

кандидат богословия, кандидат филологических наук
доцент по кафедрам филологии и библеистики Московской
духовной академии
141312, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
baricky1981@yandex.ru

Для цитирования: *Барицкий Д., свящ.* Нарративная герменевтика и её значение для православной библейской науки. Часть 1: Кризис повествования в художественном и теоретическом дискурсе XX в. // Богословский вестник. 2025. № 2 (57). С. 41–63. DOI: 10.31802/GV.2025.56.1.002

Аннотация

УДК 27-277.2

Статья посвящена описанию и анализу методологических установок одного из ключевых направлений современной нарратологии, нарративной герменевтики, а также оценке возможности и продуктивности использования её принципов и понятийно-терминологического аппарата в контексте православной библейской науки. В настоящем разделе поднимается вопрос об актуальности и необходимости такого междисциплинарного взаимодействия. Кроме того, рассматриваются те тенденции в области гуманитарной мысли первой половины XX в., которые сообщили импульс к изучению нарратива и явлению, известному как «нарративный поворот» в целом. Делается акцент на том, что интерес к повествованию начинается с глубокого подозрения к нему как среди представителей творческой интеллигенции, так и среди учёного сообщества. Подобный

скепсис и даже враждебность были обусловлены рядом эпистемологических, онтологических и этических установок, разбор которых также приводится в настоящей статье.

Ключевые слова: Священное Писание, герменевтика, философская герменевтика, библейская герменевтика, нарративная герменевтика, нарративный поворот, нарратология, библейский нарратив, повествование.

Статья поступила в редакцию 21.1.2025; одобрена после рецензирования 15.2.2025

Narrative Hermeneutics and its Significance for Orthodox Biblical Scholarship. Part 1: The Crisis of Narrative in Twentieth-Century Artistic and Theoretical Discourse

Priest Dmitry Baritskiy

PhD in Theology, PhD in Philology

Associate Professor at the Departments of Philology and Biblical Studies at the Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

baricky1981@yandex.ru

For citation: Baritskiy, Dmitry, priest. "Narrative Hermeneutics and its Significance for Orthodox Biblical Scholarship. Part 1: The Crisis of Narrative in Twentieth-Century Artistic and Theoretical Discourse". *Theological Herald*, no. 2 (57), 2025, pp. 41–63 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2025.57.2.002

Abstract. The article is devoted to the description and analysis of methodological approaches of one of the key directions of modern narratology, narrative hermeneutics, as well as the assessment of the possibility and productivity of using its principles and conceptual and terminological system in the context of Orthodox biblical scholarship. This section raises the question of the relevance and necessity of such interdisciplinary interaction. In addition, the trends in the field of humanitarian thought in the first half of the twentieth century, which gave impetus to the study of narrative and the phenomenon known as the «narrative turn» in general, are examined. Emphasis is placed on the fact that interest in narrative begins with a deep suspicion of it among both creative intellectuals and the scholarly community. Such skepticism and even hostility was driven by a number of epistemological, ontological, and ethical attitudes, a discussion of which is also provided in this article.

Keywords: Holy Scripture, hermeneutics, philosophical hermeneutics, biblical hermeneutics, narrative hermeneutics, narrative turn, narratology, biblical narrative, narrative.

The article was submitted on 1/21/2025; approved after reviewing on 2/15/2025

Постановка проблемы: герменевтика нарратива и нарративная герменевтика

С самой древности и вплоть до недавнего времени под герменевтикой понимали науку о «принципах, методах и правилах понимания текстов»¹. В рамках церковных библейских исследований герменевтика определялась как дисциплина, «в которой преподаются правила, как узнавать и изъяснять подлинный смысл священного Писания»². В XX в. в области философии и гуманитарных наук происходит ряд важных процессов, которые позволяют взглянуть на объём и содержание библейской герменевтики под иным углом.

Прежде всего, речь идёт о так называемом «онтологическом/экзистенциальном повороте»³. В науке об интерпретации предпосылки для него были сформированы еще взглядами Ф. Шлейермахера и В. Дильтея. Первый утверждал, что герменевтика должна изучать не отдельные случаи возможного непонимания (не трудные места в тексте), а сам процесс понимания⁴. В свою очередь, В. Дильтей, развивая идеи Г. Ф. В. Гегеля, заявлял, что герменевтика — это не просто специфическая интерпретационная методология гуманитарных наук. Сама жизнь имеет герменевтическое измерение. Философия и гуманитарные науки просто отражают и расширяют его. Герменевтика призвана не реконструировать прошлое. Это невозможно. Её задачу определяет «историческое самопроникновение духа», сущность которого состоит в «мыслящем опосредовании с современной жизнью»⁵.

Важный вклад в развитие герменевтической мысли внес Э. Гуссерль. По его словам, сознание воспринимающего субъекта интенционально. Даже простое чувственное восприятие уже имеет структуру интерпретации и наделяет свой объект смыслом. Выражаясь языком самого Э. Гуссерля, «каждое *cogito* <...> несёт в себе самом <...> то или иное

1 Добыкин Д. Г. Православное учение о толковании Священного Писания: лекции по библейской герменевтике. Санкт-Петербург, 2016. С. 6.

2 Савваитов П. И. Православное учение о способе толкования Священного Писания. Санкт-Петербург, 1857. С. 1.

3 См.: Brockmeier J., Meretoja H. Understanding Narrative Hermeneutics // *Storyworlds: A Journal of Narrative Studies*. 2014. Vol. 6 (2). P. 7–10.

4 По словам Г. Г. Гадамера, для Ф. Шлейермахера «пониманию подлежит не только словесный текст и его объективный смысл, но также индивидуальность говорящего или пишущего <...> только обращение к генезису мыслей позволяет понять их по-настоящему». См.: Гадамер Г.-Г. Истина и метод. Москва, 1988. С. 234.

5 Там же. С. 112.

своё *cogitatum*»⁶. Феноменология Э. Гуссерля отказывается признавать существование «чистого» ощущения в том смысле, что внешняя реальность не воспринимается сознанием в своей непосредственности — такой, «какая она есть на самом деле». Мы всегда видим «нечто как что-то» (*нем.* «Etwas-als-Etwas»). В этом процессе мы неизбежно очеловечиваем познаваемый мир. Даже самое элементарное восприятие уже заряжено значением, а мы, по словам последователя Э. Гуссерля М. Мерло-Понти, «приговорены к смыслу»⁷.

Однако самым тесным образом онтологический поворот связан с именем и творчеством ученика Э. Гуссерля — М. Хайдеггера. Именно благодаря ему герменевтика существенно скорректировала свой предмет. На первый план были выдвинуты экзистенциальные аспекты процессов смыслотворчества. Одно из центральных понятий философии М. Хайдеггера *Dasein* (*с нем.* «вот-бытие/здесь-бытие») — это присущая всякому человеку внутренняя реальность (экзистенция), постоянно побуждающая его вопрошать о своем месте в этом мире: «кто я?», «в чем смысл моего бытия?», «каково мое предназначение?» Области постановки этих вопросов философ называет экзистенциалами (*нем.* *Existenzialien*). Это модусы экзистенции, отражающие те аспекты человеческой реальности, которые зачастую обсуждаются в рамках философии: пространственно-временные, культурно-исторические, социальные, субъективно-телесные рамки нашего опыта проживания *Dasein*. В случае каждого отдельного человека они принимают конкретную индивидуальную форму. Иными словами, каждый ощущает мир и свое бытие в нем уникальным образом. У каждого свое собственное переживание и интерпретация *Dasein* в силу того, что у каждого своя собственная ситуация или, как выражался М. Хайдеггер, обусловленная местом и временем *Sorge* (*с нем.* «забота/волнение/устремлённость»), которую можно понимать как фокус бытия.

Итак, суть онтологического поворота в области герменевтики состоит в том, что учёных начинает в большей степени интересовать не интерпретация конкретного текста, а интерпретация самого бытия, которая может быть зафиксирована в тексте. Интерпретация текста

6 Гуссерль Э. Картезианские размышления. Санкт-Петербург, 2006. С. 26: «Каждое *cogito*, или, иначе, каждое протекающее в сознании переживание, полагает некий предмет и, таким образом, несёт в себе самом, как положенное, то или иное своё *cogitatum*, причём каждое *cogito* делает это по-своему».

7 Цит. по: Meretoja H. The Narrative Turn in Fiction and Theory: The Crisis and Return of Storytelling from Robbe-Grillet to Tournier. Basingstoke, 2014. P. 73.

вторична. Понимание начинает рассматриваться не как когнитивная, аффективная или эстетическая деятельность, но как фундаментальная структура человеческого существования. Иными словами, поиск смысла — это не просто интеллектуальное упражнение, это врожденное свойство и потребность человеческой природы. По словам Г.-Г. Гадамера, герменевтика перестает быть вспомогательной дисциплиной, цель которой — обеспечить и облегчить понимание литературных текстов. Онтологический поворот преобразовывает её «в основу всего дела гуманитарных наук, наук о духе»⁸.

Ещё одно важное явление, которое также необходимо учитывать, когда речь идет о судьбах библейской герменевтики, — это «лингвистический поворот». Начиная с первой половины XX в. постепенно происходит в некотором смысле абсолютизация языка. Общепринятым становится положение, согласно которому язык — это не только средство коммуникации. Это особая самостоятельная область, живущая и функционирующая по собственным законам. И, что важно, зачастую познающему субъекту доступен не предмет исследования сам по себе, но лишь та языковая модель, которая до определенной степени заменяет собой реальность. Одним словом, «язык стал конституирующим условием сознания, опыта и познания <...> случился переход от мышления о языке к мышлению через язык»⁹. В связи с этим большое внимание начинает уделяться устройству языка, его структуре, взаимодействию его элементов, а также его связи с отображаемым миром, с одной стороны, и сознанием языкового субъекта, с другой¹⁰.

8 Гадамер Г.-Г. Истина и метод. С. 110.

9 Савчук В. В. Феномен поворота в культуре XX века // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1. С. 95.

10 Весьма показательными в этом отношении являются труды Н. Хомского, основателя генеративной лингвистики. По его мысли, язык — уникальный человеческий дар. Языковая компетентность является врожденной. Это свойство нашего сознания порождать бесконечное количество высказываний, используя конечное количество материала. Эта врожденность, в частности, объясняет, что «владение языком в основном независимо от умственных способностей человека». См.: Алпатов В. М. История лингвистических учений. Москва, 2005. С. 320. Вот почему изучение языка для Н. Хомского, это не только описание его внешней структуры, то есть определённой грамматики. Это ещё и анализ глубинных структур, тех моделей мышления, которые являются универсальными для человеческого интеллекта. Задача генеративной лингвистики не только в том, чтобы описать эти структуры, но и в том, чтобы проследить ту цепочку операций, при помощи которых наше сознание трансформирует глубинную структуру в конкретную внешнюю языковую форму. Кстати, уже Н. Хомский утверждал, что этот принцип порождения, которому подчиняется язык, можно распространить и на другие явления культуры, в том числе

В рамках онтологической герменевтики язык рассматривается не просто как инструмент репрезентации действительности, но в первую очередь как форма интерпретативного действия. Благодаря ему человеческая коммуникация есть не что иное, как непрекращающийся процесс смысловотворчества. Именно язык является той дверью, посредством которой мы получаем доступ к *Dasein*. Как замечал М. Хайдеггер, «язык — дом бытия»¹¹. В рамках философской герменевтики этот подход был развит Г.-Г. Гадамером. Особым образом он делал акцент на процессе языковой коммуникации, в которой заложено всякое понимание мира. По словам Г.-Г. Гадамера, язык — это среда, в которой «впервые формируются и постоянно изменяются порядок и структура самого нашего опыта»¹², и которая существует только через непрерывный диалог. Иначе говоря, язык играет ключевую роль в нашем само- и миропонимании. Осознание и проживание бытия неразрывно связано с использованием языка, а также той социокультурной матрицей интерпретации, к которой он принадлежит и которую он конституирует.

Пристальное внимание к языку сподвигло ученых проявить повышенный интерес к частным случаям его использования. Одним из таких случаев является нарратив. «Мы живем в мире речи, языка, нарративов»¹³, — это высказывание Ж. Перека стало своеобразным вектором и кредо научных исследований второй половины XX в. Работа в этой области оказалась такой продуктивной и востребованной, что в 1992 г., подводя своеобразный итог произошедшему в науке о повествовании за последние десятилетия, канадский учёный М. Крейсворт предложил говорить о «нарратологическом повороте»¹⁴. Нарратив, как и язык,

и на текст. Именно благодаря такому методологическому переносу возникла, например, генеративная нарратология, а также отчасти нарративная герменевтика. В отечественной лингвистике своеобразным аналогом теории Н. Хомского является теория И.А. Мельчука «смысл ↔ текст».

- 11 Хайдеггер М. Письма о гуманизме // *Время и бытие: статьи и выступления*. Москва, 1993. С. 192. Также об эволюции понимания языка в философии М.Хайдеггера см.: *Перехода М. А. Язык как средство постижения смысла бытия* // *Экономика и социум*. 2016. № 6 (25). С. 390–393.
- 12 Гадамер Г.-Г. *Истина и метод*. Москва, 1988. С. 528. Здесь же он пишет: «Наш опыт мира вообще, в особенности же наш герменевтический опыт, развертывается из среды языка» (Там же. С. 529).
- 13 Цит. по: Brockmeier J., Meretoja H. Understanding Narrative Hermeneutics // *Storyworlds*. 2014. Vol. 6 (2). P. 14.
- 14 См.: *Лекции В. Л. Нарративный поворот и актуальность нарративного разума* // *Международный журнал исследований культуры*. 2013. № 1(10). С. 5.

является отдельным миром, сопоставимым с самой физической реальностью, — вот один из главных тезисов этого явления.

Важно отметить, что первоначально исследования в области нарратологии носили структуралистский характер. Однако в связи с общими постструктуралистскими тенденциями в области гуманитарных наук в фокусе внимания учёных постепенно оказывается прагматический аспект повествования: как именно связаны и взаимодействуют друг с другом мир, который отображен в нарративе, и сам нарратив, а также его субъект и адресат¹⁵. В связи с этим Х. Меретойа отмечает два важных этапа в истории нарративного поворота: 1960-е и 1980-е гг. Если в 60-х появляется интерес к нарративу в целом, то в 80-х осознаётся важность нарратива для человеческого бытия, кроме того, наука о повествовании получает герменевтическую прививку¹⁶. Нарратив начинает рассматриваться не просто как способ репрезентации фиктивной или исторической действительности, но и как универсальная форма коммуникации, интерпретационной активности и смыслотворчества¹⁷. А потому, по словам, Х. Меретойа, «нарративный поворот характеризуется признанием не только когнитивной, но и сложной экзистенциальной значимости нарратива для нашего бытия в мире»¹⁸. Это сдвиг к «герменевтически ориентированному пониманию онтологической значимости повествования для человеческого существования»¹⁹.

15 См.: Урусигов Д. С., Никитина Е. А. Дескриптивная, генеративная и когнитивная нарратология // ФИЛОLOGOS. 2015. № 2 (25). С. 67–72. Д. С. Урусигов и Е. А. Никитина описывают это поступательное развитие нарратологических исследований как движение от дескриптивной нарратологии к генеративной и когнитивной. О направлениях современных нарратологических исследований см.: Squire C., Davis M., Esin C., Andrews M., Harrison B., Hydén L.-C., Hydén M. What is Narrative Research? London; New York (N.Y.): Bloomsbury Publishing, 2014. (The «What is?» Research Methods Series).

16 См.: Meretoja H. The Narrative Turn in Fiction and Theory. Basingstoke, 2014. P. 3.

17 Необходимо отметить, что в настоящее время нарратология стремится расширить объект своего исследования за пределы художественной и историографической литературы. В качестве нарративной практики рассматривается любая повествовательная активность в любой социальной и семиотической среде, начиная «от взаимодействия лицом к лицу до текстовых жанров, визуального и перформативного творчества, а также создания цифровых миров». См.: Brockmeier J., Meretoja H. Understanding Narrative Hermeneutics // Storyworlds. 2014. Vol. 6 (2). P. 3.

18 Meretoja H. The Narrative Turn in Fiction and Theory. P. 2.

19 Ibid. В своей статье, посвящённой рассмотрению философских оснований нарративного поворота, Х. Меретойа предлагает концептуализировать его как «переход к герменевтически ориентированному пониманию онтологической значимости нарратива и субъективности как конституируемой в процессе нарративной интерпретации, которая формируется в диалогическом отношении к социокультурно опосредованным моделям

Те процессы, которые произошли в сфере гуманитаристики за последнее столетие, оказали влияние и на церковных учёных-библеистов. В частности, научно-философский дискурс позволил им шире взглянуть на предмет священной герменевтики. Так, вполне в духе онтологического поворота звучит заявление греческого богослова Т. Стилианопулоса: «Герменевтический вопрос выходит далеко за пределы чтения и изучения Библии»²⁰, он охватывает «пределы самой жизни»²¹. В этом же русле можно понимать и слова прот. Георгия Флоровского о способности текста Священного Писания презентовать богодухновенные истины: «В любой передаче Слова Божия в Писании всегда есть человеческое истолкование. Оно неизбежно в какой-то мере “ситуационно-обусловлено”»²². В обоих случаях чувствуется отсылка к проблематике онтологической герменевтики: в центре внимания оказывается не столько сам священный текст, сколько понимание человеком себя и своего места в жизни, а также роль языка и речи в этом понимании.

С учётом вышеизложенной методологической установки настоящая статья и предлагает говорить о герменевтике библейского текста. И в первую очередь, речь пойдет о текстах нарративного характера²³. Почему именно нарративного?

С одной стороны, причина в том, что именно повествование играет ключевую роль в Библии. Священное Писание — это не философский трактат, не сборник лирических произведений. По замечанию прот. Георгия Флоровского, «закон и пророки, псалмы и пророчества — всё включено и вплетено в живую историческую ткань. Откровение — это не только речения Бога. Это прежде всего Божии деяния; можно сказать, что Откровение есть путь Бога в истории»²⁴. Бог открывает Себя

смыслотворчества». См.: *Meretoja H. Philosophical Underpinnings of the Narrative Turn in Theory and Fiction // The Travelling Concepts of Narrative. Amsterdam; Philadelphia (Pa.), 2013. (Studies in Narrative; 18). P. 93.*

20 *Стилианопулос Т.* Новый Завет: Православная перспектива. Писание, Предание, герменевтика. Москва, 2008. С. 87.

21 Там же.

22 *Флоровский Г., прот.* Догмат и история. Москва, 1998. С. 30.

23 Под повествованием/нарративом мы будем понимать рассказ о событиях, которые происходят с героем (ситуации, в которых определённые лица совершают определённые действия). Эти события имеют место в определённом мире (пространстве), разворачиваются во времени, подчиняются закону причинно-следственной связи. Последовательность этих событий образует сюжет повествуемой истории. На этом основании можно говорить как о макро-нарративе (например: историческая книга, повествовательный цикл, Евангелие), так и о микро-нарративе (встреча, чудо, притча и т. д.)

24 *Флоровский Г., прот.* Догмат и история. С. 23.

в исторических событиях, которые в самом чистом виде представлены именно в историческом нарративе, т. е. повествование о действиях Бога в истории — это в определённом смысле ядро Откровения. Таким образом, можно говорить о том, что библейская герменевтика в своей традиционной форме есть преимущественно герменевтика нарратива о событиях священной истории.

С другой стороны, именно жанр повествования оказался предметом особо пристального внимания и осмысления тех представителей онтологической герменевтики, которые проявляли интерес к конкретным языковым практикам интерпретации реальности. О масштабах этого интереса и свидетельствует как в целом нарратологический поворот, так и отдельные, связанные с ним направления мысли. Одно из них, под названием нарративная герменевтика, представляет для нашей темы особый интерес. Её представители исследуют, какую роль играет нарратив в герменевтической активности человека, направленной на осмысление самого себя, окружающего мира и своего места в нём. Иными словами, нарратив рассматривается как герменевтическая практика смыслотворчества.

Итак, основная задача настоящей статьи — осмыслить практики интерпретации, связанные с бытованием библейского текста в христианской традиции, через призму методологических установок нарративной герменевтики и таким образом определить тот полезный потенциал, которым может обладать нарративная герменевтика с точки зрения церковной библейской науки.

Для того чтобы достичь вышеставленной цели, в первой части исследования будет рассмотрена история становления нарративной герменевтики, а также её основополагающие принципы. И начать следует с того явления, которое сообщило импульс этому движению, а именно с тех тенденций в области гуманитарной мысли середины XX в., которые были настроены по отношению к нарративу скептически и даже враждебно. Интерес к повествованию начинается с глубокого подозрения к нему.

Нарратив как ложный порядок

Двадцатый век — эпоха глобальных потрясений. Первая и Вторая мировые войны, а также связанные с ними социальные процессы вызвали глубокий скепсис относительно способности человека быть осознанным и ответственным творцом своей судьбы и проявлять заботу об окружающей его действительности. Можно ли доверять тому, кто

с таким воодушевлением и энтузиазмом отправляет себе подобных в концлагеря, подогревает глобальные конфликты, инициирует геноцид, кровавые революции, создает и поддерживает тоталитарные режимы? И делает всё это, как кажется, в здравом уме и твердой памяти. То есть будучи искренне уверенным в том, что движается верным путем, действует во благо человечества. Как можно полагаться на здравомыслие такого человека? И можно ли вообще говорить о том, что реальность воспринимается им адекватно? Этот кризис европейского гуманизма имеет целый ряд последствий в области искусства и науки. Одно из ключевых — сомнение в способности человека к смыслообразованию и, как следствие, недоверие к нарративу, который издревле считался вместилищем смысла.

Одними из первых, кто начал скептически высказываться относительно способности нарратива адекватно описывать реальность, были представители творческой интеллигенции. С особой силой эти воззрения проявляются среди представителей модернистских и авангардных движений в искусстве начала XX в. Художники, писатели, поэты противопоставляют мир вещей, какой он есть сам по себе, человеческому восприятию этого мира, отображенному в повествовании. Нарратив, по их мнению, неизбежно искажает реальность.

Так, например, на подобном противопоставлении строится роман Ж.-П. Сартра «Тошнота» (1938 г.). С одной стороны, есть мир вещей, который неизменен и живет по своим законам. С другой стороны, есть человек, который для этого мира посторонний, «лишний». Однако всякий из нас одержим желанием привести этот мир в порядок, подчинить его себе, объяснив происходящее при помощи повествования. Устами главного героя Антуана Рокантена Ж.-П. Сартр утверждает, что реально существует лишь то, что невозможно объяснить. Мы можем лишь ощутить немое присутствие этого, но высказать не можем. А потому «неведение, как и знание, было равно бессмысленно: мир объяснений и разумных доводов и мир существования — два разных мира»²⁵. Между реальностью и человеком — пропасть.

Подобное отношение к нарративу подспудно присутствует и в романе А. Камю «Посторонний» (1942 г.). Автор отвергает здесь повествование как тот инструмент, который способен к объективному описанию действительности путем установления между событиями причинно-следственных связей. По его мысли, опыт жизни, как и сама жизнь, ненарративен по своей природе. И в этом смысле он противопоставлен

рассказу об этом опыте. Те объяснения, которые участники судебного процесса предлагают, чтобы интерпретировать действия Мёрсо, входят в резкое противоречие с его личным восприятием произошедшего. Главный герой не узнает себя в той истории о себе и своем преступлении, которую рассказывает обвинитель. Мёрсо сопротивляется этим попыткам проанализировать его душу, рационализировать его поведение и сковать его действия цепочками причинно-следственных связей. Этим версиям он предпочитает немоту реальности, поэтому он и становится «посторонним» для всех попыток объяснить его поведение. Как замечает Х. Меретожа, «роман наводит на мысль, что он осужден не столько за убийство араба, сколько за отчуждение от общества, от обычаев и морали, которые маскируют сущностную абсурдность существования»²⁶.

Мощные антинарративные тенденции в западном литературоведении связаны с движением под названием «Новый роман». Настороженность по отношению к повествованию, которую мы видим уже у модернистов и экзистенциалистов, выражена здесь предельно ярко. Новые романисты уверены, что адекватное постижение реальности и выражение опыта её восприятия при помощи рассказа невозможно. Невозможно объяснить мир, представив его в виде серии событий, связанных причинно-следственными отношениями. Наше взаимодействие с ней в конечном счете характеризуется, по словам Н. Саррот, «окончательным, полным непониманием»²⁷.

Неслучайно, по мысли одного из лидеров движения «Новый роман» К. Симона, всех представителей этого течения объединяет общее чувство, что никогда нельзя быть полностью уверенным в чем-либо. Всякая попытка объяснить реальность при помощи рассказа сродни «хождению по зыбучим пескам»²⁸. Подобные сомнения в способности нарратива объяснять, как обстоят дела на самом деле, высказывает и А. Роб-Грийе. По его словам, повествования лишь создают иллюзию «стабильной, связной, непрерывной, однозначной, полностью расшифровываемой вселенной»²⁹.

Немного позже, в середине XX в., интерес к нарративу, а именно к его способности отражать реальность, проявляет себя и в теоретическом

26 Meretoja H. Narrative and Human Existence: Ontology, Epistemology and Ethics // New Literary History. 2014. Vol. 45 (1). P. 93.

27 Sarraute N. The Age of Suspicion: Essays on the Novel. New York (N.Y.), 1990. P. 50.

28 Цит. по: Meretoja H. Narrative and Human Existence. P. 93.

29 Robbe-Grillet A. For a New Novel. Evanston, 1989. P. 32.

дискурсе. Первоначально среди учёных этот интерес также был сопряжен с глубоким подозрением. Повествование рассматривалось как форма идеологии, искусственно сконструированная среда, искажающая реальность.

Так, Р. Барт в своей работе «Нулевая степень письма» (1953 г.) анализирует использование в рамках нарратива простого прошедшего времени (*фр.* le passé simple). В ходе своих рассуждений он отмечает, что именно претеритум является краеугольным камнем повествовательного вымысла, претендующего на объективное изображение реальности. При его помощи автор создает иллюзию существования причинно-следственных связей между происходящими событиями, а следовательно, иллюзию смысловой очевидности и порядка. Поэтому, по словам Р. Барта, «в простом прошедшем времени всегда проглядывает лик демиурга — бога или рассказчика <...>. Простое прошедшее время оказывается именно тем операциональным знаком, при помощи которого повествователь укладывает мозаичную действительность в тесное стерильное ложе слова, не имеющего ни плоти, ни объема, ни протяженности; единственная цель которого — скорейшим образом связать причины со следствиями»³⁰.

Весьма примечательно то, что размышления Р. Барта касаются не только художественной литературы, но также историографии. Для него между романом и историографией существуют самые тесные связи. Именно использование прошедшего повествовательного времени позволяет ему увидеть общий знаменатель в работах О. де Бальзака и Ж. Мишле. По его словам, их единство «обусловлено тем, что каждый из них создавал свой автономный мир, имеющий собственное измерение и собственные границы, собственное время и собственное пространство, — мир со своими обитателями, предметами и мифами»³¹.

Эта дискуссия получает продолжение во второй половине XX в. в трудах ученых, которые задают вопрос: в какой степени гуманитарные науки могут претендовать на объективность и нейтральность, если в качестве инструмента объяснения действительности они используют нарратив? Насколько этот инструмент надёжен? Роль нарратива в рамках именно историографического жанра — это отдельная большая тема в контексте этой дискуссии. Со всей силой эта проблематика была сформулирована в трудах А. Данто, Х. Уайта и Л. Минка.

30 Барт Р. Нулевая степень письма. Москва, 2008. С. 71.

31 Там же. С. 70.

В классической монографии «Аналитическая философия истории» А. Данто утверждает, что любое повествование — это «структура, связанная событиями, группирующая их друг с другом и исключаящая некоторые из них как недостаточно существенные»³². С его точки зрения, понятие нарративности подразумевает гносеологическую проблему, известную со времён И. Канта: мы постигаем мир не таким, каков он есть сам по себе. Мир опосредуется умом, который его созерцает, поэтому знать о событиях непосредственно так, как они происходили на самом деле, невозможно. В. И. Тюпа, разъясняя эту мысль А. Данто, которая лежит в основании всей современной нарратологии, пишет:

«Между событием и сознанием всегда имеется некоторого рода призма коммуникативного акта вербализации, преломляющая коммуникативная среда изложения (даже если это пока еще только зародившееся в недискурсивных формах внутренней речи потенциальное изложение данного события потенциальному слушателю)»³³.

Х. Уайт исследовал, как соотносятся повествовательный вымысел и историография. Именно этому посвящена его работа под названием «Метаистория». Здесь он приходит к выводу, что принципиального различия между репрезентацией реальности в тексте художественного произведения и в историографическом сочинении нет. В основе обоих типов повествований лежит тропологический перенос: отображение действительности в нарративе подчинено тому же языковому протоколу, согласно которому возникают метафорические, метонимические, синекдохические, иронические высказывания. Мотивацией к созданию повествования выступает желание человека упорядочить и осмыслить жизнь, чтобы она не распадалась на множество обособленных, не связанных друг с другом единиц опыта. По словам Х. Уайта, мы хотим, чтобы реальность «демонстрировала связность, целостность, полноту и завершенность образа жизни, который является и может быть только вообразаемым»³⁴.

С Х. Уайтом согласен Л. Минк. По его словам, мы только воображаем, что реальность определенным образом упорядочена. На самом же деле это иллюзия, которую создаёт сам человек при помощи рассказа.

32 Danto A. *Analytical Philosophy of History*. Cambridge, 1965. P. 132.

33 Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса. Тверь, 2001. С. 6.

34 White H. *The Value of Narrativity in the Representation of Reality // The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation*. Baltimore (Md.), 1987. P. 24.

Жизнь сама по себе «не имеет ни начала, ни середины, ни конца»³⁵. И те истории, которые мы создаём, это всего лишь истории о реальности, но не сама реальность. Эти истории «не проживаются, а рассказываются»³⁶. А потому нам только представляется, что в нарративе история свидетельствует о себе. На самом же деле это мы беседуем сами с собой.

Нарратив как «убежище от хаоса»

Несмотря на многочисленные различия, все вышеперечисленные подходы, как в области художественного, так и теоретического дискурсов, согласны в том, что повествование — когнитивный инструмент. При его помощи мы навязываем осмысленный порядок как самой действительности, так и опыту её восприятия. Таким образом, нарратив не столько отображает, сколько искажает реальное (а вместе с этим и опыт переживания реального, который является частью этого потока).

Важно отметить, что эта эпистемологическая установка тесным образом связана с еще более глубокой позицией онтологического характера, согласно которой реальность (как и опыт её восприятия) не является нарративной (о чем говорит Г. Строусон)³⁷. Она непознаваема и невыразима. Причем не только по причине ограниченности человеческих возможностей познания и неспособности повествования к исчерпывающему описанию явлений, но еще и по той причине, что она сама по себе лишена смысла. Это хаотичный, фрагментарный поток, две фундаментальные характеристики которого — непознаваемость и бессмысленность. Как замечал по этому поводу А. Роб-Грийе, «всё зыбко, нет ничего устойчивого, всё движется»³⁸. Именно поэтому всякие попытки человека навязать реальности какие-либо стабильные значения обречены изначально.

По замечанию Х. Меретойа, подобные идеи, которые в мире искусства наиболее четко были артикулированы представителями экзистенциализма и «нового романа», делают их носителей сторонниками динамической онтологии «в традиции Ницше, Бергсона и Делёза,

35 Mink L. History and Fiction as Modes of Comprehension // New Literary History. 1970. Vol. 1 (3). P. 557.

36 Ibid.

37 По замечанию Х. Меретойа, «подобная онтология лежит в основе большей части модернистской и постмодернистской литературы XX века, а также послевоенного экзистенциалистского и постструктуралистского мышления». См.: Meretoja H. Philosophical Underpinnings of the Narrative Turn in Theory and Fiction. P. 102.

38 Robbe-Grillet A. Préface à une vie d'écrivain. Paris, 2005. P. 25: «Tout bouge, tout est sujet à caution, tout est mouvant».

в которой реальность рассматривается как поток становления, противостоящий попыткам человека навязать ей осмысленный порядок. По сути, эпистемологическая неопределенность, которой проникнуты их романы, во многом основана на таких онтологических обязательствах: читатель не может ни на что положиться, предполагают они, поскольку мир, проецируемый текстом, находится в состоянии постоянной трансформации»³⁹.

Это мироощущение проявляет себя в творчестве многих представителей «Нового романа». Они вступают в полемику с традицией романа балзаковского типа, который получил особо широкое распространение в европейской литературе XIX в. Здесь рассказчик занимал позицию всезнающего бога, а повествование претендовало на объективное изображение жизни. Всё иначе в произведениях новых романистов и их идейных соратников. Они изображают мир, который словно сопротивляется попыткам человека его воспринять и привести в систему. Это сопротивление проявляет себя на уровне поэтики. Используя возможности художественной формы, новые романисты делают ощутимой идею, согласно которой, с одной стороны, мы не в силах познать смысл происходящего, увидеть в окружающем нас мире стабильный порядок, с другой — самого этого порядка и смысла не существует.

Показателен в этом смысле роман А. Роб-Грийе «В лабиринте». Отправной точкой повествования становится непонимание. Именно оно задает ту перспективу, через призму которой можно, по мнению автора, лучше увидеть природу реальности. Роман изображает, как во время Второй мировой войны солдат бродит по улицам городка с целью передать посылку адресату. При этом история построена таким образом, что ни сам главный герой, ни читатель, ни рассказчик не могут соотнести свои впечатления от происходящего одно с другим. Форма повествования не дает возможности сориентироваться в пространстве. Неизвестно ни имя героя, ни его адресата, ни само название города и улиц. Описание вещей и мира даётся весьма фрагментарно. Нет практически никакой возможности установить причинно-следственные связи между эпизодами ситуации. Ощущается нарушение хронологической последовательности событий. Поступки персонажей словно лишены очевидной психологической мотивировки, внезапно меняется точка зрения, или же возникает эффект множественной фокализации. Всё это делает нарратив хаотичным и непредсказуемым. Текст «В лабиринте» напоминает серию несвязанных сцен и, действительно, очень

похож на блуждание в лабиринте. Здесь нет никакой ясности, чем же являются предметы относительно того, что их окружает, и по отношению к тому, что уже встречалось ранее. Так автор ставит под сомнение не только саму возможность репрезентовать реальность в виде цельного и логически непротиворечивого нарратива, но и указывает на природу самой реальности. Это хаотичный поток. Текст повествования не может рассказать о том, как события происходили на самом деле. Он свидетельствует лишь о себе самом и отсылает лишь к себе самому. Эта фундаментальная постмодернистская идея самореференциальности текста проявляет себя в творчестве А. Робба-Грийе в полную силу.

О том, что реальности нарратива противостоит реальность «разомкнутого мира произвола, хаоса и беспорядка»⁴⁰, заявляет в рамках теоретического дискурса Р. Барт. На фоне этой нестабильности бытия «простое прошедшее время есть воплощение упорядоченности, а следовательно, простодушного оптимизма. Благодаря ему действительность не кажется ни таинственной, ни абсурдной, напротив, она становится понятной, почти родной; в любой момент длань создателя обнимает и удерживает её в себе всю целиком; и действительность поддается нажиму этой длани...»⁴¹. С точки зрения Р. Барта, прошедшее время, а следовательно само повествование, помогает человеку справиться с опытом одиночества в этом мире. С ощущением того, что я «брошен на произвол судьбы», что явления действительности «бессмысленно громоздятся друг на друга»⁴². Так изящная словесность при помощи прошедшего времени создает иллюзию «сконструированного, отделанного и обособленного мира с осмысленными опорами»⁴³. В конечном счете склонность человека к нарративизации — это потребность его психики создавать для себя безопасное место.

Об этой глубинной потребности человека ранее заявлял английский писатель Р. Музиль. Именно в ней он видел причину такой популярности повествования и такого доверия к нему. В своем незаконченном романе «Человек без свойств» он критикует потребность людей облекать историю своей жизни и свой опыт переживания времени в повествовательный порядок. Согласно его мысли, этот порядок имеет успокаивающий эффект, поскольку набрасывает узду на спонтанное многообразие жизни и её непредсказуемость. Люди, по его словам, «любят

40 Барт Р. Нулевая степень письма. Москва, 2008. С. 71.

41 Там же. С. 72.

42 Там же.

43 Там же. С. 71.

упорядоченную последовательность фактов, потому что она имеет вид необходимости, и впечатление, что их жизнь имеет “курс”, каким-то образом является их убежищем от хаоса»⁴⁴.

В таком случае встает вопрос: а как вообще происходит взаимодействие человека с реальностью? По мнению антинарративистов, безусловно, доступ к реальному существует. Но говорить о его истинности можно лишь на уровне психофизиологического восприятия данных, а не на уровне их ментальной обработки.

Как пишет об этом в своем эссе Вирджиния Вульф, наш разум получает «мириады впечатлений» внешнего мира и наше сознание представляет собой поток этих впечатлений. Нарратив — всего лишь способ их организации. Предлагаемый им образ в силу своей искусственности имеет весьма условный характер. Настоящий писатель, по её мнению, должен иметь смелость изображать жизнь такой, какая она есть. Он должен противостоять условностям, симметрии, шаблону и сюжету⁴⁵.

Подобные взгляды определяли для антинарративистов и специфические задачи литературы как вида искусства. Ж.-П. Сартр в своей книге «Что такое литература?» (1948 г.) утверждает, что художественные произведения призваны изображать мир в неопределенности настоящего момента. Также и новые романисты считали, что литература должна описывать мир здесь и сейчас. Её должна интересовать конкретность его материальной данности. Для этого художник должен отказаться от своих предрассудков, привычек восприятия, навыка упорядочивать явления действительности привычным для него способом. Он не должен давать оценку происходящему. Ведь «мир не является ни значительным, ни абсурдным. Он просто есть»⁴⁶.

С особой силой эти идеи выражены в работах Г. Струсона. В своих рассуждениях он исходит из психологически-натуралистической точки зрения. По его словам, наше отношение к собственному опыту, растянутому во времени, обусловлено индивидуальными и генетически унаследованными особенностями психики. Всех людей он делит на «диахроников» и «эпизодиков». Если самоощущение «эпизодиков» не обладает нарративным характером, то «диахроникам» свойственно упорядочивать свой опыт при помощи нарратива. Это в меньшей степени соответствует структуре человеческой самости, которая есть не что иное, как чередa мгновенно данных моментов. На самом глубинном уровне

44 Musil R. The Man Without Qualities. London, 1997. P. 667, 708–709.

45 См.: Woolf V. Modern Fiction // The Common Reader. New York (N. Y.), 1925. P. 207–218.

46 Роб-Грийе А. [Собр. соч.] Дом свиданий: Романы. Санкт-Петербург, 2000. С. 452.

наше «я» — это лишь последовательность прерывистых переживаний, которые немедленно передаются переживающему «я»⁴⁷.

Отсюда и отношение философа к нарративу. Когда человек пытается связать «вспышки» перцепции воедино при помощи непрерывного повествования, он неизбежно устанавливает ложный порядок. Ведь опыт реального, согласно позиции Г. Строусона, дискретен. Эти искажения касаются, в частности, наших воспоминаний и, в целом, рассказов о прошлом. «Чем больше вы вспоминаете, пересказываете, рассказываете о себе, — заявляет он, — тем дальше вы рискуете отойти от точного самопонимания, от истины своего бытия»⁴⁸.

Рассказывать или действовать?

По замечанию Х. Меретойа, в антинарративных настроениях важно выделить, помимо эпистемологического и онтологического измерений, этический аспект. Антинарративисты усматривали в повествовании угрозу для нравственного бытия человека.

Уже Ж.-П. Сартр утверждал, что в желании упорядочить реальность при помощи повествования есть нечто нечестное и ложное. Ведь сам опыт человека не нарративен, он фрагментарен. А потому, представляя свою жизнь в виде связанной истории, человек на самом деле фальсифицирует действительность. Он обманывает и окружающих, и самого себя.

«Это-то и морочит людей; каждый человек — всегда рассказчик историй, он живет в окружении историй, своих и чужих, и всё, что с ним происходит, видит сквозь их призму. Вот он и старается подогнать свою жизнь под рассказ о ней. Но приходится выбирать: или жить, или рассказывать»⁴⁹.

«Чистым» является опыт непосредственный, тот, что дается нам здесь и сейчас.

В свете опыта Второй мировой войны нарратив стал вызывать подозрение не только как инструмент фальсификации реальности, но и как способ насильственного навязывания порядка миру. В полную силу это подозрение было выражено в философии постмодерна, которая усматривает инструмент власти в самом языке. Ведь язык — это результат познания реальности, а по словам Ф. Ницше «в каждом

47 См.: *Strawson G. Against Narrativity* // *Ratio*. 2004. № 17 (4). P. 428–452.

48 *Ibid.* P. 447.

49 *Сартр Ж.-П.* Тошнота. С. 97.

стремлении к познанию есть капля жестокости»⁵⁰. При помощи языка человек навязывает реальности смыслы, присваивает её, берет её под контроль, поэтому язык — инструмент насилия.

Такие мыслители, как Р. Барт, Ж. Деррида, Э. Левинас, М. Фуко⁵¹, каждый по-своему, в характерной для себя манере и со свойственными каждому смысловыми акцентами утверждали, что подобным инструментом власти является и нарратив. Он превращает наполняющие реальность сущности в застывшие образы, наделяет их фиксированным значением, лишает их динамики жизни. Он претендует на то, чтобы сделать их понятными, познанными. Как и язык, это инструмент насильственного присвоения смысла, а также инструмент контроля.

В «Нулевой степени письма» (1953 г.) Р. Барт прямо заявляет, что простое прошедшее время, благодаря которому и возникает нарратив, — это «ложь, выставляющая себя напоказ»⁵². По его словам, именно при помощи нарративов, которые претендовали в сознании читателей на универсальность, «буржуазия получила возможность считать созданные ею ценности как бы универсальными и переносить на совершенно разнородные слои общества все понятия собственной морали»⁵³. Так, согласно Р. Барту, возникает миф, иллюзия реального. В то же самое время, когда выходит в свет «Нулевая степень письма», Р. Барт разрабатывает теорию мифа как «деполитизированной речи». В своей работе под названием «Мифологии» (1957 г.) он показал, как современный правящий класс при помощи мифа стремится представить определенную историческую реальность как естественную, необходимую и неизменную. Буржуазия пытается контролировать мир, создавая выгодные для себя истории, навязывая обществу те или иные смыслы, заставляя принимать эти повествования за чистую монету, будто они отображают жизнь такой, какая она есть на самом деле. Однако всё это не более чем иллюзия естественности, инструмент пропаганды, которая призвана обслуживать ту или иную идеологию. Именно поэтому такие течения, как «новый роман» и постструктурализм, выступали против «мифа естественности» и «больших нарративов». Они настаивали на том, что на самом деле «не существует ни естественного порядка,

50 Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Москва, 1998. С. 453.

51 Обзор их идей в контексте библейской герменевтики см.: Тисельтон Э. Герменевтика. Черкассы, 2011. С. 350–372; Уилкинсон Л. Герменевтическое и постмодернистское противоядие истине // Библейская герменевтика в эпоху постмодерна. Москва, 2019. С. 169–229.

52 Барт Р. Нулевая степень письма. Москва, 2008. С. 73.

53 Там же. С. 74.

ни морального, ни политического, ни нарративного, есть только человеческие порядки, созданные людьми, обязательно временные»⁵⁴.

Критики повествования противопоставляют этически неблагонадежному опыту нарративизации опыт готовности принимать мир таким, какой он есть, не концептуализируя его. Именно эта позиция открытости непонятному и неизвестному противоположна позиции, ориентированной на борьбу, власть и контроль. Это позиция бессилия от встречи с неопределенным, способность не бороться с тревогой при помощи объяснений. С точки зрения, например Э. Левинаса и Ж.-Ф. Лиотара, именно такая установка является этически ценной⁵⁵.

Итак, по мнению антинарративистов, уязвимость нарратива с этической точки зрения в том, что, с одной стороны, он скрывает свою повествовательную природу, с другой, он выдает искусственный, созданный человеком и исторически обусловленный порядок вещей за естественный и неизбежный. Нарратив претендует на то, что отображает этот порядок прозрачно. Отсюда и большинство трагедий человечества, которое, увлекаясь большими нарративами, наносит ущерб самому себе и миру. Кстати, на этом основании Г. Строусон считает, что именно существование «эпизодиков» более ценно с точки зрения этики, так как оно в большей степени согласуется с животной природой человека. «Диахроники», в свою очередь, являются заложниками своей предрасположенности к ложному самопониманию и нечестной нарративизации собственного опыта⁵⁶.

Таким образом, антинарративные настроения проявляют себя как в художественном, так и в теоретическом дискурсе. Представители этого направления рассматривают нарратив в качестве когнитивного инструмента, при помощи которого человек упорядочивает поток реальности (опыт её восприятия, как часть этого потока), связывая события причинно-следственными отношениями. Этот порядок является искусственным и не отображает реального положения дел.

Для многих представителей антинарративного направления характерна позитивистско-эмпирическая установка, согласно которой в большей степени реальным является то, что дано нам в непосредственном

54 Цит. по: Meretoja H. Philosophical Underpinnings of the Narrative Turn in Theory and Fiction. P. 110.

55 См.: Ibid. P. 109.

56 Strawson G. Against Narrativity. P. 447.

чувственном восприятии здесь и сейчас. Именно чувственное восприятие открывает человеку доступ к реальности такой, какая она есть. Однако в силу того, что это восприятие характеризуется бесконечной сложностью переживаний, которые человек испытывает в каждый момент времени, мы воспринимаем реальность фрагментарно и дискретно. Нарратив, пытаясь объединить эти единицы опыта в единое целое, неизбежно упрощает реальность. Повествование никогда не сможет учесть всего многообразия проявлений жизни. Процессы смыслопорождения являются по отношению к реальности или вторичными, или же не имеющими прямого отношения к опыту её восприятия. Иными словами, действительно реальное — это то, что не зависит от нашего сознания. Между нарративом и миром вокруг нас непреодолимая пропасть⁵⁷.

Важно также отметить, что в основе подобных воззрений (как художественных, так и теоретических) лежит не только признание ограниченности человеческой возможностей познавать реальность, но, что более существенно, представления о самой реальности как о хаотичном потоке событий, лишенном всякого порядка и смысла. Реальность не только сопротивляется попыткам человека себя познать, она принципиально непознаваема. Нарратив всего лишь призван скрыть беспорядок человеческого существования. Это способ, который помогает человеку примириться с окружающим его хаосом. При его помощи человек удовлетворяет свою психологическую потребность в понятном и безопасном мире.

Эти эпистемологические и онтологические взгляды имеют этические последствия. Нарративный порядок — порядок ложный. Как и язык, он становится инструментом власти, который создает иллюзию прозрачности, способности отображать естественный порядок вещей. На самом же деле речь идет о создании мифологии, которую правящий класс нередко использует в корыстных интересах. А потому этический выбор, который стоит перед человеком — выбор между рассказывать истории или действовать.

Продолжение следует

Библиография

Алпатов В. М. История лингвистических учений. Москва: Языки славянской культуры, 2005.

57 По словам Х. Меретойа, несмотря на то, что критики нарративности проводят эту оппозицию с разной степенью радикальности, все они без исключения опираются на противостояние «между реальным и человеческими (англ. human meanings) значениями, проецируемыми на реальное». См.: Meretoja H. Narrative and Human Existence. P. 94.

- Барт Р. Нулевая степень письма. Москва: Академический проект, 2008.
- Гадамер Г.-Г. Истина и метод. Москва: Прогресс, 1988.
- Гуссерль Э. Картезианские размышления. Санкт-Петербург: Наука, 2006.
- Добыкин Д. Г. Православное учение о толковании Священного Писания: лекции по библейской герменевтике. Санкт-Петербург: Изд. СПбПДА, 2016.
- Лехциер В. Л. Нарративный поворот и актуальность нарративного разума // Международный журнал исследований культуры. 2013. №1 (10). С. 5–8.
- Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Москва: Эксмо-Пресс, 1998.
- Роб-Грийе А. [Собр. соч.] Дом свиданий: Романы. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2000.
- Савваитов П. И. Православное учение о способе толкования Священного Писания. Санкт-Петербург: Тип. Я. Трея, 1857.
- Савчук В. В. Феномен поворота в культуре XX века // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1. С. 93–108.
- Сартр Ж.-П. Тошнота. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2006.
- Стилианопулос Т. Новый Завет: Православная перспектива. Писание, Предание, герменевтика. Москва: ББИ, 2008.
- Перехода М. А. Язык как средство постижения смысла бытия // Экономика и социум. 2016. № 6 (25). С. 390–393.
- Тисельтон Э. Герменевтика. Черкассы: Коллоквиум, 2011.
- Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса. Тверь: Лекции в Твери, 2001.
- Уилкинсон Л. Герменевтическое и постмодернистское противодействие истине // Библейская герменевтика в эпоху постмодерна. Москва: Триада, 2019. С. 169–229.
- Урусков Д. С., Никитина Е. А. Дескриптивная, генеративная и когнитивная нарратология // ФИЛОLOGOS. 2015. № 2 (25). С. 67–72.
- Флоровский Г., прот. Догмат и история. Москва: Изд. Свято-Владимирского братства, 1998.
- Хайдеггер М. Письма о гуманизме // Время и бытие: статьи и выступления. Москва: Республика, 1993. С. 193–220.
- Brockmeier J., Meretoja H. Understanding Narrative Hermeneutics // Storyworlds: A Journal of Narrative Studies. 2014. Vol. 6 (2). P. 1–27.
- Danto A. Analytical Philosophy of History. Cambridge: At the University Press, 1965.
- Meretoja H. Philosophical Underpinnings of the Narrative Turn in Theory and Fiction // The Travelling Concepts of Narrative / ed. M. Hyvärinen, M. Hatavara, L.-C. Hydén. Amsterdam; Philadelphia (Pa.): John Benjamins Publishing Company, 2013. (Studies in Narrative; vol. 18). P. 93–117.
- Meretoja H. Narrative and Human Existence: Ontology, Epistemology and Ethics // New Literary History. 2014. Vol. 45 (1). P. 89–109.
- Meretoja H. The Narrative Turn in Fiction and Theory: The Crisis and Return of Storytelling from Robbe-Grillet to Tournier. Basingstoke: Palgrave, 2014.

- Mink L.* History and Fiction as Modes of Comprehension // *New Literary History*. 1970. Vol. 1 (3). P. 541–558.
- Musil R.* The Man Without Qualities. London: Picador, 1997.
- Robbe-Grillet A.* For a New Novel. Evanston: Northwestern Univ. Press, 1989.
- Robbe-Grillet A.* Préface à une vie d'écrivain. Paris: Seuil, 2005.
- Sarraute N.* The Age of Suspicion: Essays on the Novel. New York (N. Y.): George Braziller, 1990.
- Squire C., Davis M., Esin C., Andrews M., Harrison B., Hydén L.-C., Hydén M.* What is Narrative Research? London; New York (N. Y.): Bloomsbury Publishing, 2014. (The «What is?» Research Methods Series).
- Strawson G.* Against Narrativity // *Ratio*. 2004. № 17 (4). P. 428–452.
- White H.* The Value of Narrativity in the Representation of Reality // *The Content of the Form. Narrative Discourse and Historical Representation*. Baltimore (Md.): The Johns Hopkins University Press, 1987. P. 5–27.
- Woolf V.* Modern Fiction // *The Common Reader*. New York (N. Y.): Harcourt, Brace and Company, 1925. P. 207–218.